

УДК 37.013.78

В.И. Казакова, М.В. Худяков

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОЛОДЁЖЬ
КАК ОБЪЕКТ СТРАТИФИКАЦИОННОГО АНАЛИЗА**Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева,
ООО «НПО Технология»

Предметом исследования в настоящей статье является молодое поколение современного российского общества, рассматриваемое в контексте социально-стратификационной проблематики. Топологические характеристики молодёжи в пространстве трансформирующегося социума обозначаются как одна из главных обществоведческих проблем, на решение которой замыкается вопрос устойчивой организации социальной жизни в целом. Молодое поколение склонно воспринимать неравенство как нечто естественное, не связывать его с нравственными аспектами. При этом социальная дифференциация здесь явно преодолевает феномен «русского раскола», избегая антиномичных и деструктивных тенденций.

Таким образом, молодое поколение является наиболее перспективным объектом стратификационных исследований, позволяющим выработать их новые концептуальные стратегии. Молодёжное «общество в обществе» ориентировано на социально-психологические критерии идентичности, что изначально социокультурные доминанты стратификационных процессов.

Ключевые слова: социология молодёжи, социальная стратификация, социальная топология, социальное неравенство, социокультурная дифференциация.

*«Подлинная молодость ищет дистанции,
а не беспорядка».*
К. Ясперс

Молодое поколение трансформирующегося общества – один из наиболее интересных и малоизученных объектов социально-стратификационных исследований. Неравенство как фундаментальный вопрос проблематики социальной стратификации применительно к исследованию молодёжи даёт наиболее широкий спектр возможных приложений [1]. Здесь оказываются до предела обострены граничные состояния материальных и духовных факторов социального расслоения; собственность, власть, образование, жизненный стиль всё то, что разделяет различные социальные группы и вместе с тем может служить основанием самоидентификации. Характер и степень интегрированности молодого поколения в структуры и отношения социума отражает связи и процессы, которые характерны для общества в целом, являются индикатором социально-экономического и культурного уровня, специфики социализации и индивидуализации [2]. Являясь наиболее динамичной и активной составляющей социального пространства, молодёжь в любой исторический период воплощает собой динамику общественного развития как таковую, в ней как в зеркале отражаются все проблемы того или иного «переходного» состояния. Применительно к социальной «транзиции» современной России о молодёжи можно говорить как об одном из важнейших индикаторов социоэкономической динамики нашего общества. Её часто обозначают как «рыночное поколение», характеризующееся предвосхищённой перестроечной идеологией способностью адекватно воспринимать радикальные изменения в общественной жизни, готовностью к адаптации в условиях социальной непредсказуемости, формированием новых моделей самореализации [3]. В переходный постсоветский период, который зачастую считается уже завершённым и преодолённым, молодое поколение россиян являло собой совершенно уникальную композицию устойчивых общественных отношений, в рамках которой реализуется своя самобытная форма внутригруппового единства. На социально-онтологическом уровне осмысления её можно обозначить как специфику восприятия социального времени, не отягощённую культом про-

шлого и почти индифферентную по отношению к «футурошоку» [4]. Можно предположить, что сложный многоуровневый комплекс статусов, ролей, жизненных стилей, складывающийся в возрастном диапазоне от 16 до 30 лет, который принято отождествлять с молодежью, во многих отношениях опережает тенденции будущего социального расслоения общества в целом. С данной точки зрения стратификационное исследование российской молодежи способствует совершенствованию методологического инструментария как социологии, так и всего обществознания в целом.

В отношении социального неравенства и социальной стратификации как фундаментальных обществоведческих проблем разработка концептуальных оснований исследования обрела за последние десятилетия особое значение [5-10]. Фрустрированная потребность в устойчивой организации социальной жизни – главный лейтмотив постсоветской социологии, стратификационные исследования при этом сместились в сферу рефлексии общественного сознания, когда социологическая мысль с гораздо большим рвением исследовала свои идеалы и ценностно-целевые ориентиры, нежели онтологию эмпирически реальных «базового» или «верхнего среднего» слоя [11-14]. Динамика социальной мысли, возможно, не уступала динамике социальной жизни, но функционировала в принципиально ином онтологическом измерении; культурно-антропологические и этико-аксиологические ориентиры исследований доминировали над практически-проектными тенденциями изучения социальной структуры, которая почти произвольно называлась классовая – в силу унаследованной от советской идеологии традиции. Начиная с 90-х годов прошлого столетия, эта структура измерялась терминологией Маркса и Вебера, Сорокина и Парето, Лумана и Бурдьё – без особой надежды на обоснованность выбора и концептуально-методологического решения. Явное предпочтение, отдаваемое ресурсному подходу, можно объяснить эстетической ориентацией на красоту и логику теоретической конструкции, являющейся, в конечном итоге, разновидностью того же самого марксизма. Социологической мысли переходного периода свойственно стремление подменять исследование реальных процессов расслоения общества определением макросоциальных тенденций [10]. Поляризация общества, расколотого на «две России» [15], происходит параллельно формированию в общественном самосознании всё новых классов, определение которых менее всего отражает реальную конфигурацию неравенства [8]. Так называемые «субъективные составляющие» стратификации, «индексы» социального самочувствия становятся решающими факторами в анализе социальных структур. На фоне этого «экзистенциально-психологического поворота» стратификационных исследований молодое поколение представляет особый интерес – прежде всего, с точки зрения достоверности и открытости, весьма непривычных для отечественных традиций обществознания [1, 2, 16]. Специфика субъектности молодежи такова, что взгляд её на происходящие в обществе преобразования является, возможно, наиболее непредвзятым и осмысленным. Помимо упомянутого ранее отсутствия «культы прошлого», идеологической свободы суждений, молодое поколение не сковано необходимостью установления нравственного порядка в ущерб хозяйственному, принесения повседневности в жертву идеям вселенского предназначения – всем тем, что можно обозначить как «комплекс Третьего Рима» [17]. Прагматические ориентиры и отсутствие идеологической ригидности способствуют большей степени искренности, нежели в случае респондентов социологических опросов других возрастных категорий; в частности, отмечается игнорирование мифов среднего класса и элиты [2]. Для традиционно стратифицированного властью российского социального пространства необычным представляется открыто прокламируемый приоритет материального благополучия, отнюдь не связываемого с безнравственностью его приобретения [2, 18]. Стратификация молодежи – картина социального расслоения той части общества, которая наиболее позитивно смотрит на происходящее, в том числе и на сами процессы этого расслоения [18]. Именно здесь заложена, на наш взгляд, главная предпосылка реализации новых концептуально-методологических оснований стратификационного анализа современной России. Молодое поколение, воспринимающее ритмы беспрестанно меняющегося общества как данность, смотрящее на жизнь с доброжела-

тельным любопытством, в целом чуждое иждивенческим установкам, воспринимает стратификацию вне этических установок должностования. Ограниченность в доступе к социальным и экономическим ресурсам стимулирует творческие возможности реализации собственного потенциала, предопределяет высокую значимость благополучия, не отягощённую необходимостью нравственного долга и стремлением к недостижимым идеалам. Стратификация молодёжи — стратификация «общества в обществе», толерантного к социальному неравенству как основанию социального расслоения.

Призрак марковского бесклассового общества, довлеющий над постиндустриальным обществом в целом, в российском социальном пространстве актуализируется превалированием мысли о среднем классе, который вполне обоснованно считается отчасти мифом, но вместе с тем воплощает собой тот путь вторичного смесительного упрощения, о котором некогда писал известный русский мыслитель К.Н. Леонтьев [19]. В пространстве постсоветской идеологии мы все в известной мере становимся обезличенно одинаковыми, проблема демаркационных линий стратификации — не в последнюю очередь проблема поиска чего-либо, что бы отличало нас друг от друга, той разности потенциалов, от которой можно ждать дальнейшего развития. Исследователями отмечается, что доля молодёжи, идентифицирующей себя со средним классом, который можно считать одной из наиболее действенных мифологем и одним из наиболее широкомасштабных социальных проектов, снижена по сравнению с другими возрастными категориями практически на треть, причём данная тенденция с течением времени усиливается. Молодые люди всё более склонны избегать того усреднённого образа скромной «рабочей лошадки», не рвущейся в заоблачные выси, на котором сошлись недалёкие амбиции других возрастных категорий, их стремление к интеграции в современные социальные структуры основано на реализации творческого потенциала, инициативе и предприимчивости, поиске нового.

Молодёжное «общество в обществе» — особый духовный мир, характеризующийся своими механизмами освоения национальных традиций и поликультурного восприятия мира в целом. В начале 90-х годов XX века сам потенциал общественных изменений, модернизации связывался с вступлением в новую жизнь молодых поколений [4]. Нельзя сказать, что это ожидание совершенно не оправдало себя, поскольку вплоть до настоящего времени молодёжь остаётся наиболее лояльной по отношению к постсоветским реформам и, в отличие от старшего поколения, склонна видеть в них больше преимуществ, чем потерь. Вместе с тем влияние традиций, переживание прошлого, в том числе и ностальгия по советской эпохе, не обходят стороной молодёжь, чьё духовное становление, помимо прочего, формировалось на фоне перехода к свободе вероисповедания, ликвидации административных и нравственных притеснений религии. В результате обозначился весьма самобытный мир культурно-мировоззренческих ориентаций, отличающийся размытостью, неоднозначностью, неопределённостью содержания [20]. Этот мир, как и в прежние времена, остаётся во многом непонятым и непризнанным, что не может не переживаться в самой молодёжной среде и не отражаться на её настроениях. В российском общественном самосознании сохраняется мощная традиция негативного восприятия молодого поколения, наглядный пример которого мы находим, например, в знаменитых «Вехах» [21]. Обрисованная столетием ранее картина пороков интеллигентной молодёжи оказывается во многом созвучной современным реалиям: удивительно, как приведённые А.С. Изгоевым данные опроса московского студенчества тех лет аналогичны социологическим исследованиям наших дней [20, 21]. В частности, практически не различаются скептически-пренебрежительные тенденции в отношении к образованию, рассматриваемому в обоих случаях как социальный барьер, за который надо платить определённую цену. И в начале XX, и в начале XXI века молодые не склонны воспринимать всерьёз духовные аспекты пребывания в школе или университете, качество и уровень получаемых знаний не является объектом интереса, время, проведённое в стенах учебного заведения, не рассматривается как возможность культурного и нравственного совершенствования. Столетием ранее Н.А. Бердяеву сам облик революционного 1917 года виделся молодым бесцерем-

монным человеком во френче, «энергичным, дельным, одержимым волей к власти и проталкивающимся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглым и беззастенчивым» [22]. Столь явное несоответствие размышлений о движущей силе октябрьских событий реальной возрастной категории революционных деятелей говорит о многом: аристократ по происхождению и консерватор по политическим взглядам, Н.А. Бердяев, описывая молодость как «новый антропологический тип», доходит до сочувствия старым революционерам. В рождении нового антропологического типа, в преобразующейся молодости «может быть загублена душа России, призвание русского народа» [22]. Юность – «материализация русской жизни, парадоксально связанная с разложением исторических тел» [22]. Всё это в целом – не столько отражение действительности, сколько предощущение усиления этой тенденции отторжения молодости в будущем России – и советской, и постсоветской. Напряжённость «легко ли быть молодым», вне всякого сомнения, ощутимо спала с начала девяностых, тем не менее, ксенофобные ориентиры жизненных позиций отнюдь не изжили себя [23]. Готовность к открытой и непримиримой борьбе с инаковым, твёрдая убеждённость в необходимости и целесообразности подобного противостояния накладывается у молодого поколения на укоренённую в повседневности бытовую ксенофобию; «временные и хаотичные молодёжные солидарности» приобретают качественно новые формы, «с трудом поддающиеся описанию в традиционных терминах класса, расы, гендера, территории» [23]. Исследователями отмечается несомненная конвергенция этого явления с «политическим пробуждением» молодого поколения в западных странах, «стихийным переформатированием молодёжных культурных сцен», глобализационными тенденциями формирования новых общемировых систем норм и ценностей, убеждений и интересов [23, 24].

Стратификация российской молодёжи претерпела за период реформ ряд существенных изменений, свойственных, в том числе, и другим поколенческим уровням, т. е. характерным для российского общества в целом. Обобщённо их можно охарактеризовать как идеологический «поворот» к социальной жизни, включающий в себя рост притязаний, индивидуалистически ориентированных потребностей, смещение от публичного к частному [4]. Именно эта тенденция стала исходной точкой в развитии так называемой «социологии повседневности», в рамках которой в качестве стратификационных критериев стали обозначаться самые разнообразные аспекты – от потребительской корзины до мобильного телефона. Интересно отметить, что большинство исследований в выборе респондентов было ориентировано на молодёжную аудиторию, хотя задача изучения её социального расслоения не ставилась непосредственно как таковая. Для молодого поколения «поворот» к социальной жизни более радикален и менее переживаем: рост амбиций здесь более ощутим, к тому же социокультурные аспекты ещё не успели стать определяющими, да и вообще сколько-нибудь определёнными. Последнее обстоятельство определяет, в числе прочего, и специфические черты социальной стратификации молодого поколения. «Жить стало ярче и интереснее» — главное положительное следствие реформ, отмечаемое молодыми респондентами, продолжающими вопреки экономическим кризисам видеть в 90-х годах XX века более приобретений, нежели потерь. Доминанта риска становится определяющей характеристикой модели их поведения, преодоление «футурошока» уже не кажется непреодолимой проблемой [25].

Таким образом, исследование молодого поколения современной России с точки зрения социальной дифференциации и расслоения позволяет преодолеть главные проблемы стратификационного анализа: этико-аксиологическую перегруженность, идеологическую ангажированность и деструктивную тенденцию к исследованию различных проявлений «русского раскола». С точки зрения социальной онтологии можно говорить об «обществе в обществе», наделённом своим центром и периферией, подверженном собственной внешней и внутренней дифференциации [2, 3, 18, 20]. Молодость в трансформирующемся обществе задаёт особое социальное пространство, где путь самоидентификации определяется не столько ответственностью, властью или статусом, сколько духовными практиками и культурными составляющими [2, 3, 23-30]. Специфическое «мы» российской молодёжи включает в себе ярко

выраженные психологические доминанты, являющиеся, согласно системной социологии, частью уже не самого общества, а его окружающей среды. Этот ориентир «вовне» в свою очередь определяется, в конечном итоге, отношением молодого поколения к социальному времени, рассматриваемому как исключительно своё [2]. Культурно-антропологический «поворот» к повседневности, наблюдаемый как стойкая тенденция стратификационных исследований молодёжи, можно рассматривать и как предвосхищение перспектив развития постсоветского общества, и как фактор формирования постиндустриальности. Соответственно осваивается и укрепляется новый комплекс ценностных ориентиров и жизненных стилей.

Библиографический список

1. **Егоренкова, И.А.** Жизненные ориентации современной молодёжи / И.А. Егоренкова, А.А. Сержантова [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ms-solutions.ru/index.php?option> (Дата обращения: 25.04.2012).
2. **Сандрюков, Н.А.** Особенности социальной стратификации и самоидентификации молодёжи Московского региона [Электронный ресурс] // Режим доступа: (Дата обращения: 25.04.2012).
3. Алексеева, О.С. Стратификация молодёжи в сферах образования, занятости и потребления [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ms-solutions.ru/index.php?option=com_content& (Дата обращения: 25.04.2012).
4. **Тоффлер, Э.** Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2001. – 560 с.
5. **Большева, О.В.** Роль экономической стратификации в формировании социального порядка современной России (концептуальный анализ) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-2-2005/economics/bolsheva.pdf> (Дата обращения 25.04.2012).
6. **Гончарова, С.В.** Социальная стратификация российского общества в условиях социальной трансформации: дисс. ... на соискание учёной степени канд. соц. наук по специальности 22.00.04 / С.В. Гончарова. – Владивосток, 2005. – 233 с.
7. **Заславская, Т.И.** Социальная структура российского общества // Общественные науки и современность. 1997.
8. **Силласте, Г.** Стратификация российского общества [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-28-13-47-51/43-2010-08-30-12-19-02/1245-2011-02-28-02-39-53> (Дата обращения 25.04.2012).
9. **Тангалычева, Р.К.** Социальная стратификация современного российского общества: теоретико-методологический аспект: дисс. ... на соискание учёной степени канд. соц. наук по специальности 22.00.01 / Р.К. Тангалычева. – СПб., 2000. – 180 с.
10. **Чуланов, В.А.** Концептуальные основания анализа социальной стратификации / В.А. Чуланов, В.Н. Кипшидзе // Вестник ЮрГТУ (НПИ). 2009. №3. С. 87-92.
11. **Казакова, В.И.** Интеллектуал в пространстве стратификации: границы и социальная судьба // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2009. № 4. С.175–183.
12. **Казакова, В.И.** Феноменология современных элит: рубеж, дистанция, граница // Вестник ВятГГУ. 2010. №2 (4). С. 47-51.
13. **Казакова, В.И.** Социальный портрет как объект феноменологического анализа // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2011. №1. С. 32-38.
14. **Казакова, В.И.** Средний класс: феноменологический взгляд // Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии: тр. НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2011. №1 (88). С. 21-31.
15. **Римашевская, Н.М.** Две России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/151030p.html> (Дата обращения 25.04.2011).
16. **Магун, В.** Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодёжи: 1995-2005-е годы / В. Магун. М. Эгноватов // Отечественные записки. 2006. №3. С. 76-96.
17. **Казакова, В.И.** К вопросу об экономическом сознании среднего класса // Будущее технической науки: материалы XI Международной научно-практической конференции / НГТУ. – Н. Новгород, 2012. С. 356-357.
18. **Пасовец, Ю.М.** К социальному портрету российской молодёжи: общие черты и региональная специфика имущественного положения // СОЦИС. 2010. №3. С. 101-106.
19. **Леонтьев, К.Н.** Византизм и славянство [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/LEONTIEV_K/wisantizm_slawyanstwo.txt (Дата обращения 25.04.2011).
20. Российская молодёжь: проблемы и решения [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://>

- www.cafedra-orm.ru/files/book_russian_youth.pdf (Дата обращения 25.04.2011).
21. **Изгоев, А.С.** Об интеллигентной молодёжи (заметки о её быте и настроении) / А.С. Изгоев. – М.: Астрель, 2009. – 1072 с.
 22. **Бердяев, Н.А.** Размышления о русской революции [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/berdyayev_nikolay_aleksandrovich/razmishleniya_o_russkoy_revolyucii/read/ (Дата обращения 25.04.2012).
 23. **Омельченко, Е.Л.** Постсоветская молодёжь в лабиринте «нового» патриотизма и ксенофобных настроений [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/search/index.html?words> (Дата обращения 25.04.2012).
 24. **Латышева, Т.В.** Феномен молодёжной субкультуры: сущность, типы // СОЦИС, 2010. №6. С. 93-101.
 25. **Чупров, В.И.** Молодёжь: духовное воспроизводство в условиях риска // Вестник РУДН. 2005. №6-7. С. 7-17.
 26. **Даффлон, Д.** Молодёжь в России: портрет поколения на переломе // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. Т. 97. №5. С. 19-35.
 27. **Любжин, А.И.** Современная молодёжь: усиленная попытка портрета // Вопросы образования. 2008. №4. С. 308-314.
 28. Чупров, В.И. Молодёжь как субъект социально-экономической трансформации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/1999/vestniksf103-15/vestniksf103-15030.htm> (Дата обращения 25.04.2012).
 29. **Скорухов, В.В.** Боевые искусства востока как досуговый интерес молодёжи // СОЦИС. 2000. №3. С. 129-131.
 30. **Зоркая, Н.** Современная молодёжь: к проблеме дефектной социализации // Вестник общественного мнения. 2008. №4 (95). С. 8-22.

*Дата поступления
в редакцию 11.07.2012*

V.I. Kazakhova, M.V. Khydyakov

MODERN RUSSIAN YOUTH AS STRATIFICATION RESEARCH OBJECT

Nizhny Novgorod state technical university n.a. R.E. Alexeev,
Joint Stock Company "Scientific and Production Association of Technology"

Purpose: Young generation of modern Russia is analyzed from social stratification point of view.

Design/methodology/approach: Social phenomenology is the most suitable approach concerning generation and social-cultural stratification research. The author discusses not only results of sociological works but the character of modern thoughts about youth. The thought about society sometimes lives its own life, and this process is more interesting than social reality itself.

Findings: Conceptual frames of social stratification research get new potential of sociological theory development.

Research limitations/implications: The phenomenological analysis provides a starting-point for further research in the social differentiation sphere.

Originality/value: Sustainable organization of social life depends on the opportunities of overcoming of antonymous destructive tendencies. These opportunities can be revealed by means of youth stratification research.

Key words: youth sociology, social stratification, social topology, social inequality, social-cultural differentiation.